

Е. А. Горбаренко

ББК 83.3

УДК 821.161.1

DOI 10.52172/2587-6945_2022_22_4_28

Е. А. Горбаренко¹

ORCID: 0000-0003-0719-3725

Ленинградский областной филиал

Санкт-Петербургского университета МВД России

188662, Ленинградская область, Всеволожский муниципальный

район, Муринское городское поселение, ул. Лесная, д. 18 А

romanovakaterina@list.ru

«БРАТСТВО» И «КАРАМАЗОВЩИНА» КАК ГОРИЗОНТЫ ОЖИДАНИЙ В ИТоговом Романе Ф. М. Достоевского

В итоговом романе Ф. М. Достоевский уже в названии сводит на «очную ставку» два стихии – братство и карамазовщину, которые можно понимать как выражения горизонтов ожиданий. Братству в ранней публицистике писатель уделил много внимания, однако рецептов выработки этого идеальной формы взаимоотношений у него тогда не наблюдалось. В «Братьях Карамазовых» писатель ищет художественное решение проблемы. Он пытается различить «братские» инстинкты в монастырской среде, которая по формальным признакам (постулаты христианства) предназначена быть питательной средой для братства. Однако и среди монашества писатель обнаруживает и обличает дефицит *братства* и признаки *карамазовщины*.

На примере основных персонажей романа автор обнаруживает в их душевной жизни соотношение братства и карамазовщины, когда одно сказывается на фоне и за счет другого. Даже наиболее наглядный выразитель карамазовских начал, отец семейства Федор Павлович, не может изжить в себе уважение к братским инстинктам и тягу к ним. В разной мере это свойственно остальным, основным и второстепенным персонажам романа.

Реконструкция итоговой идеи Достоевского для этого романа приводит к следующему. Сосуществование братства и карамазовщины

¹ Горбаренко Екатерина Алексеевна, старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, Санкт-Петербург, Россия.

возможно лишь в динамическом балансе, когда одно не способно до конца преодолеть другое, чтобы самоостаться «в чистом виде». В борьбе этих стихийных инстинктов раскрывается подвижная и многогранная душевная жизнь. В свете этого выявляется смысловая связь названия романа и эпитафии к нему: братство – это зерно, которое, умирая в карамазовщине, дает «много плода».

Ключевые слова: горизонты ожиданий, монастырская среда, динамический баланс, душевная стихия, образная система, авторские решения

Введение

Понятие «горизонты ожиданий» является ключевым в теории восприятия Г. Р. Яусса и используется в рецептивной эстетике. Но можно и обойти эту методологию стороной, чтобы понимать «горизонты ожиданий» в расширительном значении. И тогда имеется в виду, что они образуются и подвижно меняются не только у читателя (согласно Яуссу), но и у героев произведения, а также у самого писателя.

В названии романа, «Братья Карамазовы», обозначены две стихии как горизонты ожиданий. Они присущи человеческой природе в целом и русской натуре – в особенности. Есть соблазн полагать, что они сведены в романе в конфликтном противостоянии. Однако не так всё просто в «карамазовщине», как и в «братстве». Естественно, что первая из них может восприниматься героями, как её носителями, преимущественно негативно и опасливо, а вторая – с обратными, желанными и спасительными ожиданиями. По замечанию Н. А. Макаричевой, для итогового романа Достоевского, например, «возможно было бы и другое название – «Братья и сёстры Карамазовы». Как в мужских, так и в женских персонажах романа проявляется *карамазовское* начало, и то и дело оно доминирует над *братским* или *сестринским*» [3, 240]. Однако так ли уж абсолютно враждебны и несовместимы эти две стихии в человеческой натуре, и так ли уж обязательно одно преодолевается за счет другого?

«Братство» и «карамазовщина» – горизонты ожиданий в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского

Следует учитывать, как сам писатель понимал *братство* (см.: [1]). Ещё за пятнадцать лет до того, как он приступил к созданию «Братьев Карамазовых», в своей ранней публицистике, в «Зимних заметках о летних впечатлениях», он утверждал, что братство, быть может, одна из самых дорогих идей, выработанных человечеством. «Но воспитуемо ли оно? Можно ли способствовать тому, чтобы братское начало повседневно сказывалось во взаимоотношениях людей?»

«Как же сделать?» Сделать никак нельзя, а надо, чтоб оно *само собой сделалось, чтоб оно было в натуре*, бессознательно в природе всего племени заключалось, одним словом: чтоб было братское, любящее начало – надо любить. Надо, чтоб самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласие, и тянуло, несмотря на все вековые страдания нации, несмотря на варварскую грубость и невежество, укоренившиеся в нации, несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников, – одним словом, чтоб потребность братской общины была в натуре человека, чтоб он с тем и родился или усвоил себе такую привычку искони веков» [2, V, 80] (*курсив в цитатах здесь и далее наш – Е. Г.*).

Всё это выглядит как надежды и благие пожелания. И сам Достоевский не мог этого не понимать: «Эка ведь в самом деле утопия, господа! Всё основано на чувстве, на натуре, а не на разуме. Ведь это даже как будто унижение для разума. Как вы думаете? Утопия это или нет?» [2, V, 80]. Казалось бы, такие вопросы предполагают, что далее будут развернуты аргументы в пользу реальности, а не утопичности *братства* (ведь в него Достоевский верил). Однако таких аргументов у него как у публициста не находится, и далее в цитируемой статье всё сводится к критике западной психологии. Зато Достоевский-художник многое делает, чтобы выявить *братство* в натуре своих героев. Это оказалось сложнее, чем он надеялся.

В итоговом романе *братство* стало возможным актуализировать, лишь «подмешав» к нему *карамазовщины*. Потому и совмещаются они Достоевским в единое «тандемное» заглавие романа (как уже было в романе «Преступление и наказание»). То есть *братство* вне соотношения с *карамазовщиной*, как бы в «дистиллированном» виде, скорее всего не может быть воспринято. В то же время *карамазовщину* было бы неверно понимать как равноправную с *братством* составляющую. Её толкования у самого Достоевского мы не находим, и в науке единого мнения не было выработано (см. широкий обзор в работе Г. К. Щенникова [10] и в коллективной монографии [6]).

В упрощенном представлении под *карамазовщиной* можно подразумевать отклонения от *братства* в любую сторону и по любому поводу. Подобные отклонения могут быть сознательными, даже демонстративными, или, напротив, инстинктивными. В любом случае подразумевается наличие *горизонтов ожиданий*, хотя бы и негативных, которые и приводят к этим отклонениям. Примером может служить одна из реплик «главного» Карамазова, отца семейства. Он запальчиво заявляет своему младшему сыну, Алеше: «...я

в скверне моей до конца хочу прожить, было бы вам это известно. В скверне-то слаще: *все ее ругают, а все в ней живут, только все тайком, а я открыто*. Вот за простодушие-то это мое на меня *все сквернавцы* и накнулись. А *в рай твой, Алексей Федорович, я не хочу*, это было бы тебе известно, да порядочному человеку оно даже в рай-то твой и неприлично, если даже там и есть он» [2, XIV, 157–158].

Здесь Федор Павлович имеет в виду, что вокруг него «все сквернавцы», и значит, все они в разной степени несут в себе *карамазовщину*. Только все это скрывают, а сам он – *Карамазов* открытый, демонстративный. Его «горизонт» – «жить в скверне», то есть в свое удовольствие, аморально и цинично, вопреки совестливым инстинктам (которые изредка в нем дают о себе знать). Однако и последние – *братские* инстинкты – он изжить в себе полностью не может. Потому что и *карамазовщина* ведь в чистом виде, пожалуй, не представима. Об этом свидетельствует следующий фрагмент: «Это были почти болезненные случаи: развратнейший и в сладострастии своем часто жестокий, как злое насекомое, Федор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, *духовный страх и нравственное сотрясение*, почти, так сказать, даже физически отзывавшееся в душе его. «*Душа у меня точно в горле трепещется в эти разы*», – говаривал он иногда. Вот в эти-то мгновения он и любил, чтобы подле, поблизости, <...> был такой человек, преданный, твердый, совсем не такой, как он, не развратный, который хотя бы все это совершающееся беспутство и видел и знал все тайны, но все же из преданности допускал бы это все, не противился, главное – не укорял и ничем бы не грозил, ни в сем веке, ни в будущем» [2, XIV, 86–87].

Итоговый роман писателя был в его творчестве единственным произведением, где широко воспроизведена монастырская жизнь. И без этого, конечно, было не обойтись в романе «*Братья Карамазовы*». Ведь согласно христианским представлениям, наименование «братья» формально обозначает обитателей монастырей: «Братия, термин, обозначающий совокупность всех живущих в монастыре монахов» [8, 307]. Это же понятие было включено в наименования разных церковных орденов и обществ: «Братья Милосердия», «Братья общинной жизни», «Братья свободного Духа» и др., а также обобщенное – «Братья во Христе» [8, 307–308].

В романе представлена достаточно широкая и многоликая галерея персонажей-монахов, которые даже формально именуется «братьями», и уже хотя бы поэтому они должны были быть носителями *братского начала*. В их ряды мечтает вступить и один

из центральных героев романа, Алексей Карамазов. Когда он спрашивает разрешения на это у своего отца, Федор Павлович не удивлен: «Гм, так ты вот куда хочешь, мой тихий мальчик! <...> Гм, а ведь я так и предчувствовал, что ты чем-нибудь вот таким кончишь, можешь это себе представить? Ты именно туда норовил!» [2, XIV, 23].

Достоевский не должен был упустить такую возможность – художественно исследовать, насколько реально и в какой мере *братские начала* могут выражаться в поведении и в психологии «насельников» монастыря. И нужно признать, что результаты вряд ли обнадеживали писателя (хотя потенциально он был настроен явно в пользу монахов). То есть роман «Братья Карамазовы» давал автору поводы в большей мере к «горнилу сомнений», чем к «осанне» (см.: [2, XXVII, 86]).

В первую очередь, диссонанс с ожидаемым *братством* в этой монастырской среде возникает в связи с очевидной иерархией монахов. Они, как братья («братия»), казалось бы, в принципе должны быть равны. Между тем, здесь есть свой «игумен», то есть «правлящий», «название начальствующего лица в монастыре» [8, 569]. Далее следуют «иеромонахи» – в романе Достоевского это, например, близкие старцу Зосиме «отцы» Паисий и Иосиф. Есть в монастырях и *просто* монахи. Об одном из таких («обдорский монашек») у Достоевского сказано: «Это был, по-видимому, из самых простых монахов, то есть из простого звания, с коротеньким, нерушимым мировоззрением, но верующий и в своем роде упорный» [2, XIV, 51]. Вне формальной иерархии обозначены особо авторитетные лица, как, например, отец Ферапонт – «один из древнейших иноков, великий молчальник и необычайный постник» [2, XIV, 28]. И особый статус имеет в монастыре «старец» Зосима.

А сейчас обратим внимание на то, как принято среди этой «братии» обращение друг к другу. Крайне редко используется слово «братья» (преимущественно у Зосимы); чаще всего звучит – «отче» (или «отец»). Отенок самоуменьшения встречается у Зосимы в обращении «учители». Вместе с тем, наряду с обращением «братья» и «отцы», он использует слово «друзи». А по отношению к послушнику Алексею и другое: «...знай, *сын*ок (старец любил его так называть)...» [2, XIV, 71]. Готовность на мнимое равенство демонстрирует противник Зосимы «праведник» Ферапонт, как, например, в такой сцене: «Обдорский монашек повергся ниц пред блаженным и попросил благословения. – Хочешь, чтоб и я пред тобой, монах, ниц упал? – проговорил отец Ферапонт. – Восстани! – Монашек встал. – Благословляя да благословишися,

садись подле» [2, XIV, 152]. Однако далее по ходу разговора Ферапонт обнаруживает свои ущемленные амбиции и заносчивость.

Ещё больше неопределенности показано Достоевским во взаимоотношениях «мирян» и монахов. То есть тот же Зосима, например, для обывателей – человек как бы «не от мира сего», так что и обращаться к нему – непонятно как. Федор Карамазов ернически демонстрирует это: «...священный старец! (Алеша весь так и вздрогнул от «священного старца».)» [2, XIV, 38]. И затем ещё звучит: «благословенный отец», «святейшее существо»; «божественный и святейший старец» [2, XIV, 40, 66]. Всерьез подтверждает эту неопределенность и Дмитрий Карамазов: «Простите, преподобный отец, <...> я человек необразованный и даже *не знаю, как вас именовать*» [2, XIV, 66].

В любом случае, монахи – никакие не «братья» мирянам. И резонно будет задаться вопросами – «братья» ли они друг другу, а если это так, то в какой мере и при каких условиях. Нет ли в их среде признаков вездесущей карамазовщины? Наиболее авторитетно на эту тему в романе высказывается Зосима: «Правда, ох правда, *много и в монашестве тунеядцев, плотоугодников, сластолюбцев и наглых бродяг*. На сие указывают образованные светские люди: «Вы, дескать, лентяи и бесполезные члены общества, живете чужим трудом, бесстыдные нищие». А между тем *сколь много в монашестве смиренных и кротких, жаждущих уединения и пламенной в тишине молитвы*» [2, XIV, 284]. Какое уж тут *братство* в такой разнородной среде, где зачастую может «править бал» самая откровенная *карамазовщина*.

В связи с образом Зосимы следует обратиться к особому статусу «старчества» в монашестве. И здесь, как всегда у Достоевского, всё сложно. Приведем примечательное пояснение автора: «Итак, что же такое старец? Старец – это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту *страшную школу жизни* обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли» [2, XIV, 26].

В таком случае естественно, что ни о каком равноправии, тем более о *братстве* во взаимоотношениях между старцем и его послушниками, а также почитателями, – не может идти речи. Кроме

того, для послушника предполагается полное очищение самосознания и даже подсознания от любых «горизонтов ожиданий», кроме разве что Бога. Вот почему это названо «страшной школой жизни». Разумеется, пройти такую «школу» могут лишь единицы. Потому неслучайно приведенная характеристика «старчества» сопровождается многозначительной оговоркой: «Правда, пожалуй, и то, что это испытанное и уже тысячелетнее орудие для нравственного перерождения человека от рабства к свободе и к нравственному совершенствованию может обратиться в обоюдоострое орудие, так что иного, пожалуй, приведет вместо смирения и окончательного самообладания, напротив, к самой сатанинской гордости, то есть к цепям, а не к свободе» [2, XIV, 27].

Очевидно, предполагается, что представленный в романе Зосима такую «страшную школу» прошел. Он овеян аурой исключительности, почти «святости». В «Братьях Карамазовых» это подчеркивается с разных сторон во впечатлениях главных героев. Например, с одной стороны, об очарованном Алеше сказано: «Не смущало его нисколько, что этот старец все-таки стоит пред ним единицей: «Все равно, он свят, в его сердце тайна обновления для всех...»» [2, XIV, 29]. С другой стороны, даже его биологический отец, циничный Федор Павлович, серьезно признает: «Этот старец, конечно, у них самый честный монах» [2, XIV, 23]. А в другом, более привычном для себя ерническом стиле [9], он также отдаст должное Зосиме в личном обращении: «Знайте же, что это я все время нарочно, чтобы вас испробовать, так представлялся. Это я все время вас ощупывал, можно ли с вами жить? Моему-то смирению есть ли при вашей гордости место? Лист вам похвальный выдаю: можно с вами жить!» [2, XIV, 43].

Однако нужно обратить внимание на то, какую именно, по замыслу автора, роль играет старец Зосима, какое влияние он оказывает как на мирян, так и на близкое свое окружение в монастыре. Сам Зосима – действительно свободен от страстей и искушений. Но свободен ли он *от своей репутации*; от того, как воспринимают его окружающие и с каким результатом? Свободны ли и другие от влияния на них его духовного авторитета?

Ответы на это мы находим лишь отрицательные. Сам Зосима в общении со своим окружением и с мирянами практикует «деятельную любовь». И вот один из результатов: «Из монахов находились, даже и под самый конец жизни старца, ненавистники и завистники его, но их становилось уже мало, и они молчали <...> Но все-таки огромное большинство держало уже несомненно сторону

старца Зосимы, а из них очень многие даже любили его всем сердцем, горячо и искренно; некоторые же были привязаны к нему почти фанатически. Такие прямо говорили, <...> что он святой, что в этом нет уже и сомнения, и, предвидя близкую кончину его, ожидали немедленных даже чудес и великой славы в самом ближайшем будущем от почившего монастырю» [2, XIV, 28].

Таким образом, с одной стороны, своих «ненавистников и завистников» старец Зосима невольно провоцирует на открытую карамазовщину. Своеобразный их «лидер», монах Ферапонт, устраивает скандал, явившись в келью уже покойного старца с иступленными обличениями: «Возгордились и вознеслись, пусто место сие! – завопил он вдруг как безумный <...> Исступление какое-то всех обуюло. – Вот кто свят! вот кто праведен! – раздавались возгласы уже не боязненно, – вот кому в старцах сидеть, – прибавляли другие уже озлобленно» [2, XIV, 304].

С другой стороны, в своих сторонниках Зосима невольно будит фанатизм, что ни к чему хорошему также не приводит, – потому что рано или поздно это оборачивается карамазовщиной прикровенной. Так, например, у самых преданных сторонников Зосимы ожидания от его кончины «немедленных даже чудес и великой славы» само по себе *эгоистично* (хотя не для себя они ожидают выгод, а для монастыря), а это несовместимо с принципами *братства* и уже какой-никакой, но росток *карамазовщины*. Тем больший соблазн произвела кончина старца в среде мирян – Хохлакова про покойного старца выразилась, в передаче Ракитина, следующим образом: ««...никак она не ожидала от такого почтенного старца, как отец Зосима, – *такого поступка!*» Так ведь и написала: «поступка!» То же ведь озлилась; эх, вы все!» [2, XIV, 309].

Очень значимой «бесславная» кончина старца стала для Алеши Карамазова. Он задуман автором как один из самых близких к *братству* герой романа. И в то же время карамазовщина в его настроениях и поступках пусть изредка, но дает о себе знать. На это указывают окружающие. Например, циничный Ракитин замечает со злорадством: «Ты, Алешка, тихоня, ты святой, я согласен, но ты тихоня, и черт знает о чем ты уж не думал, черт знает что тебе уж известно! Девственник, а уж такую глубину прошел, – я тебя давно наблюдаю. Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне – стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор. По отцу сладострастник, по матери юродивый» [2, XIV, 74]. В свою очередь, Дмитрий Карамазов, который считает брата Алешу «ангелом на земле», однажды предполагает: «И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит» [2, XIV, 100].

Е. А. Горбаренко

Наконец, и сам Алеша признаётся Лизе Хохлаковой: «Ах, вы не знаете, ведь и я Карамазов! [2, XIV, 199].

Но выразительнее всего карамазовщина сказалась в реакции Алеши на кончину Зосимы и ее последствия. Его душа временно оказывается подвержена двум из восьми известных православию *страстей* – *тщеславию* и *печали*. Изначально его вера была напрямую зависима от славы Зосимы. Он *слишком уж* был привязан к святому старцу. В этом и сказываются признаки *карамазовщины* – он здесь преступил некие границы, *хватил через край*. Поэтому, когда старец якобы «бесславно» ушел из жизни, у Алеши не столько «земля ушла из-под ног», сколько оказалась на время утрачена религиозная основа его душевно-духовной жизни. Он *обиделся* за старца и *взбунтовался* против божьего провидения.

В переживаниях Алеши по поводу Зосимы сказывается очень важный смысловой мотив: он «справедливости жаждал, *справедливости, а не токмо лишь чудес!* И вот тот, который должен бы был, по упованиям его, быть вознесен превыше всех в целом мире, – тот самый *вместо славы, ему подобавшей, вдруг низвержен и опозорен!* За что? Кто судил? Кто мог так рассудить? – вот вопросы, которые тотчас же измучили *неопытное и девственное сердце его*. Не мог он вынести без оскорбления, *без озлобления даже сердечного*, что праведнейший из праведных предан на такое насмешливое и злобное глумление столь легкомысленной и столь ниже его стоявшей толпе. Ну и пусть бы не было чудес вовсе, пусть бы ничего не объявилось чудного и не оправдалось немедленно ожидаемое, но зачем же объявилось бесславию, зачем попустился позор, зачем это поспешное тление, «предупредившее естество», как говорили злобные монахи? Зачем это «указание», которое они с таким торжеством выводят теперь вместе с отцом Ферапонтом, и зачем они верят, что получили даже право так выводить? Где же провидение и перст его? <...> Вот отчего точилося кровью сердце Алеши, и уж конечно, <...> прежде всего тут стояло лицо, возлюбленное им более всего в мире и оно же «опозоренное», оно же и «обесславленное!» [2, XIV, 307]. То есть само по себе ожидание и *искание справедливости*, казалось бы, принадлежит смысловой сфере *братства*. Однако *страстное требование* её порождает *карамазовщину*.

Примечательны в романе два «завета», которые дают Алеше оба его «отца», биологический и духовный. Федор Павлович Карамазов разрешает сыну на время заключиться в монастырь, под присмотр и послушание к Зосиме: «...ступай, *доберись там до правды*, да и приди рассказать: все же идти на тот свет будет легче, коли наверно знаешь, что там такое. Да и приличнее тебе будет у монахов, чем у меня, с пьяным старикашкой да с девчонками... хоть до тебя,

как до ангела, ничего не коснется. *Ну авось и там до тебя ничего не коснется*, вот ведь я почему и позволяю тебе, что на последнее надеюсь. Ум-то у тебя не черт съел. Погоришь и погаснешь, *вылечишься и назад придешь*. А я тебя буду ждать: ведь я чувствую же, что ты единственный человек на земле, который меня не осудил, мальчик ты мой милый, я ведь чувствую же это, не могу же я это не чувствовать!...» [2, XIV,24].

В свою очередь, Зосима перед своей кончиной отсылает Алешу в обратную сторону, из монастыря в «мир»: «Ты там нужнее. *Там миру нет*. Прислужишь и пригодишься. Подымутся беси, молитву читай. И знай, сынок (старец любил его так называть), что и впредь тебе не здесь место. Запомни сие, юноша. Как только сподобит Бог преставиться мне – и уходи из монастыря. Совсем иди. – Алеша вздрогнул. – Чего ты? *Не здесь твое место пока. Благословляю тебя на великое послушание в миру*. Много тебе еще странствовать. И жениться должен будешь, должен. *Все должен будешь перенести, пока вновь прибудеши*. А дела много будет. Но *в тебе не сомневаюсь, потому и посылаю тебя*. С тобой Христос. Сохрани его, и он сохранит тебя. Горе узришь великое и в горе сем счастливы будешь. Вот тебе завет: *в горе счастья ищи*» [2, XIV, 71–72].

Эти два напутствия по-своему «рифмуются», в смысловом отношении перекликаются друг с другом. К тому же, они ведь по своей хронологии и логике взаимосвязаны и последовательны. Оба эти наставления (как бы *заветы*) – отеческие. Вначале биологический отец Федор Павлович соглашается, что сыну нужно бы сменить «горизонты ожиданий» – из греховной мирской среды уйти в среду монастырскую. Ей он не слишком-то доверяет. Но на Алешу надеется («Ну авось и там до тебя ничего не коснется, вот ведь я почему и позволяю тебе, что на последнее надеюсь. Ум-то у тебя не черт съел»). А затем предполагается возвращение («Погоришь и погаснешь, вылечишься и назад придешь. А я тебя буду ждать»).

Не как в спортивных, но как в духовных «играх» – теперь «мяч на стороне» старца Зосимы, и этот духовный отец Алеши отсылает «сыночка» обратно, из монастырской среды – в мирскую («Там миру нет. Прислужишь и пригодишься») – опять смена горизонтов, задуманная как душевное испытание. Как мы уже убедились, «миру нет» и в монастырской среде. Но в ней Алеша – пока никакой «не игрок». А вот в мирской среде он может все-таки «пригодиться» и «закалиться» – а потом и вернуться обратно («Все должен будешь перенести, пока вновь прибудеши»). И обратим внимание: Зосима так же, как и Федор Павлович, надеется на Алешу («в тебе не сомневаюсь, потому и посылаю тебя. С тобой Христос») – только основания для надежд кардинально разные. В первом случае «Ум-то

Е. А. Горбаренко

у тебя не черт съел», а во втором – «С тобой Христос. Сохрани его, и он сохранит тебя».

В итоге в рамках сюжета романа судьба Алеши сложилась как раз по-карамазовски, то есть по завету Федора Павловича: сын «сходил» в монастырь и вернулся обратно. Притом там он на время даже потерял веру, по-карамазовски (под влиянием кончины Зосимы), и вернул её, по-братски, не без содействия Аграфены Светловой (Грушеньки). Не исключено, что в продолжение неосуществившейся диалогии автором предполагалось осуществление и завета старца Зосимы, чтобы Алеша вернулся в среду монастырской *братии*, с новым опытом и с новыми духовными силами. Но это уже из области догадок.

Апофеоз братским отношениям прозвучал в финальном завете Алеши, обращенном к собравшимся вокруг него мальчикам, после похорон Илюши Снегирева. И здесь парадоксальным может представляться, что в ответ дважды звучит в его адрес от мальчиков «здравница»: «Ура *Карамазову!*» [2, XV, 197]. Конечно, автором подразумевается не просто лично Алеша и тем более не воплощение *карамазовщины* в человеке. Объяснение можно найти, если обратиться от финала – к самому началу, связав название произведения с эпитафией к нему. Разумеется, смысл эпитафии предполагает расширительное истолкование. В науке встречались разные его трактовки. Например, Н. М. Чирков уточнял: «Смысл эпитафии прямо относится и к судьбе Илюши Снегирева. Его трагическая судьба <...> послужила условием для сближения мальчиков <...>. Слова о падшем в землю и умершем зерне относятся и к безумию Ивана Карамазова. Конечно, смысл этого эпитафия, по замыслу Достоевского, должен охватить и центральное событие романа – убийство Федора Павловича и все последствия этого события. Это убийство, будучи наиболее ярким и наглядным выражением жизни как распада, показано как условие раскрытия всех потенций жизни» [5, 288–289].

Выводы

Смысл эпитафии по-разному откликается в сюжетных судьбах едва ли не всех персонажей романа, даже Смердякова (по мнению О. Меерсон (см.: [4])). Такая пронизанность образной системы едиными смысловыми мотивами отвечала творческим принципам Достоевского, как убедительно показывали в своих работах Р. Г. Назиров [5] и В. А. Свительский [7].

В свете нашей темы позволим себе максимально широкую интерпретацию эпитафии, связав его напрямую со смыслом названия романа в заглавный идейно-художественный тандем. Припомним всё,

что предполагалось Достоевским под *братскими* началами, которые являются светлыми, но во многом отвлеченными «горизонтами ожиданий». Припомним и разнообразные конкретные выражения *карамазовской* стихии в героях романа. Нельзя ли понимать так, что в воображении писателя одно сказывалось на фоне и за счет другого. Иначе говоря, сосуществование братства и карамазовщины в человеке (и в герое) возможно в динамическом балансе, когда одно не способно до конца преодолеть другое и само остаться «в чистом виде». Но в их взаимной борьбе раскрывается подвижная, противоречивая и многогранная душевная жизнь. То есть, во взаимосвязи названия и эпиграфа, братство – это как зерно, которое, умирая в карамазовщине, дает «много плода».

Литература

1. Борисова В. В. «Братья и сестры» в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура: Альманах. 2010. № 27. С. 169–175.
2. Достоевский Ф. М. Полн. Собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1971–1986.
3. Макаричева Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 240 с.
4. Меерсон О. Четвёртый брат или козёл отпущения *ex machina*? // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. Москва: Наука, 2007. С. 565–604.
5. Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 160 с.
6. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под ред. Т. А. Касаткиной. Москва: Наука, 2007. 838 с.
7. Свительский В. А. Самодостаточность личности и жизненные роли героев Достоевского (от «Записок из подполья» к «Братьям Карамазовым») // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. Москва: Грааль, 2002. С. 397–406.
8. Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т.: т. 1: А–К / Ред. кол.: С. С. Аверинцев и др. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1993. 861 с.
9. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. Москва: Наука, 1967. 303 с.
10. Щенников Г. К. Братья Карамазовы // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2008. С. 34–41.

REFERENCES

1. Borisova V. V. «Brat'ya i sestry» v romane «Prestuplenie i nakazanie» [«Brothers and Sisters» in the novel «Crime and Punishment»]. // Dostoevskii i mirovaya kul'tura: Al'manah. [Dostoevsky and World Culture: An Almanac] № 27. Moscow, 2010. Pp. 169-175.
2. Dostoevskij F. M. Poln. Sobr. soch. [Complete Works] V 30 t. Leningrad: Nauka, 1971–1986.
3. Makaricheva N. A. Hudozhestvennaya genderologiya v tvorcheskih iskaniyah F.M. Dostoevskogo [Artistic genderology in the creative quest of F.M. Dostoevsky]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 2019. 240 p.
4. Meerson O. C Hetvërtyi brat ili kozël otpushcheniya ex machina? [Fourth brother or scapegoat ex machina?] / Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya [F. M. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov»: the current state of study]. Moscow: Nauka, 2007. Pp. 565–604.
5. Nazirov R.G. Tvorcheskie principy F.M. Dostoevskogo [The creative principles of F.M. Dostoevsky]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1982. 160 p.
6. Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya [F. M. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov»: the current state of study] / Pod. Red. T. A. Kasatkinoj. Moscow: Nauka, 2007. 838 p.
7. Svitel'skij V. A. Samodostatochnost' lichnosti i zhiznennye roli geroev Dostoevskogo (ot «Zapisok iz podpol'ya» k «Brat'yam Karamazovym») [Self-sufficiency of personality and vital roles of Dostoevsky's heroes (from «Notes from Underground» to «The Brothers Karamazov»)] // XXI vek glazami Dostoevskogo: perspektivy chelovechestva [The XXI century through the eyes of Dostoevsky: the prospects of humanity]. Moscow: Graal', 2002. Pp. 397-406.
8. Hristianstvo: Enciklopedicheskij slovar' [Christianity: Encyclopedic Dictionary]: V 3 t.: t.1: A–K / Red. kol.: S. S. Averincev i dr. – Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 1993.
9. Chirkov N. M. O stile Dostoevskogo. Problematika. Idei. Obrazy [About Dostoevsky's style. Problems. Ideas. Images]. Moscow: Nauka, 1967. 303 p.
10. Shchennikov G. K. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov] // Dostoevskij: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: Slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Essays, letters, documents: Dictionary-reference]. Saint Petersburg., 2008. Pp. 34–41.

"BROTHERHOOD" AND "KARAMAZOVSHCHINA" AS HORIZONS OF EXPECTATIONS IN DOSTOEVSKY'S FINAL NOVEL

Ekaterina A. Gorbarenko

senior lecturer, Socio-Economic and Humanitarian
subjects department, Leningrad Regional Branch of St. Petersburg
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract

In the final novel, Dostoevsky right in the title brings two elements, brotherhood and Karamazovshchina, to a "confrontation", which can be understood as expressions of horizons of expectations. The writer paid a lot of attention to brotherhood in early journalism, but he did not have any recipes for developing this ideal form of relationship at that time. In "The Brothers Karamazov", the writer is looking for an artistic solution to the problem. He tries to distinguish between "fraternal" instincts in the monastic environment, which according to formal signs (the postulates of Christianity) is intended to be a breeding ground for brotherhood. However, even among monasticism, the writer discovers and exposes the lack of brotherhood and the signs of Karamazovshchina.

Using the example of the main characters of the novel, the author discovers in their mental life the correlation between brotherhood and Karamazovshchina, when one affects the other on the background of and at the expense of it. Even the most obvious exponent of Karamazov principles, the father of the family, Fyodor Pavlovich, cannot get rid of respect for fraternal instincts and craving for them. To varying degrees, this is characteristic of the rest, both the main and secondary characters of the novel.

The reconstruction of Dostoevsky's main idea of this novel leads us to the following conclusion. The coexistence of brotherhood and Karamazovshchina is possible only in a dynamic balance, when one is not able to completely overcome the other in order to remain "pure" itself. In the struggle of these natural instincts, a changing and multifaceted spiritual life is revealed. In the light of this, the semantic connection between the title of the novel and the epigraph to it is revealed: brotherhood is a grain that, dying in Karamazovshchina, gives "a lot of fruit".

Keywords: horizons of expectations, monastic environment, dynamic balance, spiritual element, system of images, author's solutions

Для цитирования: Горбаренко Е. А. «Братство» и «карамазовщина» как горизонты ожиданий в итоговом романе Достоевского // *Libri Magistri*. 2022. № 4 (22). С. 28–41.

Поступила в редакцию 11.10.2022

Принята в печать 30.10.2022